

Д.И. Новомирский

**Из программы
синдикального анархизма**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
Д11

Д11 **Д.И. Новомирский**
Из программы синдикального анархизма / Д.И. Новомирский – М.: Книга
по Требованию, 2020. – 194 с.

ISBN 978-5-458-40878-3

ISBN 978-5-458-40878-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Автор ставил себѣ двойную цѣль: во-первых, дать общую критику основных положеній соціаль-демократіи; во-вторых, намѣтити общія черты того направленія в анархизмѣ, которое французы называют синдикальным а нѣмцы «*Gewerkschaftlicher Anarchismus*».

Важность обѣих этих задач—внѣ спора. Невозможно приступить к изложенію анархизма без критики нѣкоторых положеній так называемаго «научнаго социализма», без предварительной расчистки авгіевых конюшен социализма.

С другой стороны, я не мог остаться в рамках общих принципов анархизма по двум причинам. Во-первых, сочиненія Кропоткина, Жана Грера, Бакунина, Малатеста, Малато и других анархистов достаточно выяснили сущность коммунизма и принцип отрицанія власти. Не имѣя возможности заняться углубленіем и систематизированіем трудов вышеупомянутых писателей, явынужден былбы в сущности дѣлать переложенія старых, всѣм извѣстных работ. Я считал это лишним, и потому главы «Коллективизм и коммунизм», «Преступленіе и наказаніе», «Самодержавіе народа» трактуют свои вопросы крайне сжато. Интересующихся я для болѣе подробнаго ознакомленія отсылаю к упомянутым теоретикам анархизма, особенно к классическим работам Кропоткина: «Завоеваніе хлѣба», «Система наемнаго труда» («*Le salariat The Wage System*») и др. Во-вторых, господствующее в анрхистской литературѣ направленіе, ученіе Кропоткина, кажется мнѣ крайне расплывчатым, слишком, изобилует остатками чисто народнических предразсудков с их крайним субъ-

ективизмом, сентиментальностью и интеллигентским гуманитаризмом. Мы, русские анархисты, прошедшие школу марксизма, не можем удовлетвориться теми туманными, чувствительными фразами, которые у нашего дорогого старого учителя часто занимают место аргументов. Мы хотим основать наше мировоззрение на твердом реалистическом базисе борьбы классов, а не на туманной «взаимопомощи». Мы хотим свою тактику строго, последовательно выводить из общих принципов нашего учения, а не механически прицеплять ее к ним. Мы расходимся, особенно резко с товарищем Кропоткиным и его сторонниками в России, так называемыми «хлебобольцами» *) в целом ряде тактических и организационных вопросов.

По всем этим причинам я считал необходимым говорить не от имени анархизма вообще (с которым почему-то отождествляют учение Кропоткина), а от имени того нового направления в русском анархизме, которое с самого начала называло себя синдикальным. Этому направлению была посвящена заграничная газета «Новый Мир», которая, — увы! — имела такое же эфемерное существование, как и большинство русских анархистских газет. Из первого номера этой газеты в настоящей работе перепечатаны две статьи автора: «Либерализм, социализм и анархизм» и «Бунтовский дух и сознание». Здесь же напечатана моя статья, написанная для второго номера той же газеты: «Классовый характер социаль-демократии». Статья «Наболевшие вопросы русского анархизма» была напечатана мною по просьбе редактора нью-йоркской газеты «Freie Arbeiter Stimme» и напечатана летом 1906 г. Остальные статьи писаны мною в различное время, в различных местах, при различных обстоятельствах. Эти и другие «независящие от автора» обстоятельства не позволили мне придать книге настоящую систематичность и полноту. Читатель приглашается смотреть на эту работу не как на систематическое изложение синдикаль-

*) По имени их газеты, издававшейся за границей под названием «Хлеб и Воля».

наго анархизма, а как на общій очерк его. Полному исчерпывающему изложенію нашего направленія в связи с его исторіей в западно-европейских странах посвящена особая работа.

Считаю не лишним здѣсь прибавить, что основные принципы своего міровоззрѣнія мнѣ удалось набросить еще два года тому назад в брошюркѣ «Манифест Анархистов-коммунистов».

Новомірскій.

1.

Научный социализм.

Соціал-демократія увѣряет, что ея программа обоснована научно. Поэтому она свое ученіе называет научным социализмом. Что разумѣют тут под словом «научность»? Очевидно, только одно: вѣрят, что ученіе социал-демократіи лишено элементов случайности, произвола, элементов утопизма и построено на реалистическом пониманіи жизни.

Утопическій социализм стоял на точкѣ зрѣнія абстрактной справедливости. Он не мог показать, почему его идеал должен по необходимости быть осуществлен, гдѣ та реальная сила, которая захочет и сможет взять на себя воплощеніе в жизнь социализма. Научный социализм старается доказать, что идеал новаго строя жизни не есть только благородная мечта, что его реализація не зависит от капризной воли отдѣльных филантропов, а, наоборот, даже помимо и вопреки волѣ всѣх господ современнаго общества, социализм восторжествует, потому что он необходим. Однако, как понимать эту необходимость? Нужно ли думать, что есть какая-то фатальная сила, которая неумолимо толкает капитализм к социализму? Так прежде думали всѣ социал-демократы. Полагали что мелкое производство, как в промышленности, так и в сельском хозяйствѣ, совершенно исчезает. Все производство переходит исключительно в руки крупных предприятий. Даже число этих крупных предприятий сокращается и сосредоточивается в руках безпрерывно уменьшающагося числа «магнатов капитала». В это время производительныя силы достигают такой степени развитія, что господствующая кучка магнатов совершенно не в силах руководить производством. Кризисы довершают страшную картину хаоса и раззоренія. Становится абсолютною необходимостью измѣненіе формы собственности, так как она стала тѣсной для развившихся производительных сил. «Монополія капитала становится помѣхой того способа производства, который развился вмѣстѣ с

нею и под ея вліяніем. Сосредоточеніе средств производства и обобществленіе труда достигает такой степени что они не могут выносить своей капиталистической оболочки. Она разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприирующих экспроприируют*). Так говорит Маркс в своем Капиталѣ. В этой цитатѣ ярко выступает мысль, что социализм продукт непреодолимаго противорѣчія между формой собственности и производительными силами, продукт долгаго экономического развитія, а не результат самой простой человѣческой борьбы за жизнь, исход которой вовсе не зависит от степени развитія крупнаго производства, а всецѣло опредѣляется фактическим соотношеніем сил. Понятно, глупо думать, что Маркс представлял себѣ социальную революцію как чисто механическую эволюцію орудій производства. Но несомнѣнно вѣрно, что из двух факторов—работника и машины—он отдавал первенствующее мѣсто орудію, а не человѣку. Несомнѣнно, что социальная революція представлялась ему скорѣе конечным пунктом развитія техники, чѣм послѣдним боем между работниками и капиталистами.

Сильнѣе и рѣзче выразил эту мысль вѣрный ученик Маркса Карл Кауцкій. В своей «Аграрной политикѣ» он говорит: «Революція, к которой стремится социалистическая партія, не есть в послѣднем счетѣ революція в области права, а в области экономики; она ни есть ниспроверженіе формы собственности, а способа производства; она стремится к уничтоженію первой только потому, что она может послужить средством покончить с послѣдним**).

В комментаріи к Эрфуртской Программѣ Кауцкій говорит: «Экономическое развитіе буржуазнаго общества, с необходимостью закона природы приводит к гибели мелкое производство». Впослѣдствіи он должен был признать, что вытѣсненіе мелкаго производства не так абсолютно. При нѣкоторых обстоятельствах даже сам крупный капитал насаждает мелкія хозяйства, которыя доставляют ему дешевую рабочую силу. «Нѣтъ ничего ошибочнѣе», говорит тот же Кауцкій в предисловіи к «Комментарію» 1904 г., «того взгляда, будто коллективистское производство станет возможным лишь послѣ того, как совершенно исчезнет мелкая промышленность. Если б это было так, то коллективизм не мог бы никогда осуществиться, так как концентрація капитала приводит

*) «Капитал» т. I, 673 стр. изд. 1898 г.

**) La politique agraire du P. Socialiste 1903, p. 5.

не к совершенному исчезновению мелких предприятий, а часто лишь к замѣнѣ старых видов мелкой промышленности новыми. Уничтоженіе этих новых пролетарских мелких предприятий станет возможным лишь послѣ того, как будет введено коллективистское производство» (стр. IX изд. «Молот», 1905 г.)

Итак, мелкое производство мѣняет свою форму и роль, но не погибает «с необходимостью закона природы». Теорія концентраціи капиталов также потерпѣла нѣкоторыя измѣненія. По крайней мѣрѣ, Кауцкій должен признать, что эта пресловутая концентрація совершается далеко не так просто и далеко не так быстро, как это думали раньше. Кризисы тоже потеряли значительную долю своего мистическаго значенія с тѣх пор, как обнаружилось, что трѣсты капиталистов могут играть немаловажную роль в дѣлѣ их предупредженія путем регулированія производства и цѣны. Постепенно и незамѣтно и вся теорія, на которой зиждется необходимость социализма, приняла нѣсколько иной вид. «Эта теорія видит в капиталистическом способѣ производства фактор, который толкает пролетаріат на классовую борьбу против капиталистов; который все больше и больше увеличивает его численность, сплоченность, интеллигентность, самосознаніе и политическую зрѣлость; который все больше и больше повышает его экономическое значеніе, дѣлает одинаково неизбѣжной как его организацию в политическую партію, так и его побѣду; но столь же неизбѣжно он обусловливает и возникновеніе коллективистскаго производства в результатѣ этой побѣды»). Здѣсь нѣтъ уже ни слова о переворотѣ исключительно в области экономики. Соціальная революція поставлена в исключительную зависимость от побѣды организованнаго и сознательнаго пролетаріата над капиталистами. Серьезная эволюція марксизма очевидна. Нап-

*) К. Кауцкій «Нѣтъ больше социаль-демократія», изд. «Утро» 1906 г., стр. 17. «Но для побѣды социаль-демократія вовсе нѣтъ надобности в том, чтобы мелкое производство совершенно исчезло; эта побѣда уже сдѣлается возможной, как скоро крупное производство настолько оттѣснит на задній план мелкое, что класс наемных рабочих, лишенных частной собственности на средства производства, составит рѣшительное большинство населенія и сдѣлается его экономически важнѣйшей частью. С того момента ея побѣда является только вопросом силы и политической зрѣлости неимущих классов (пролетаріата). И эта побѣда ни в каком случаѣ не означает полного уничтоженія мелкаго производства и превращенія всѣх мелких предприятий в государственными».

расно Кауцкій тратит свой ум, находчивость и знанія на то, чтобы затушевать происшедшую перемену. Не смотря на всю нашу антипатію к буржуазно-благонамѣренному «критицизму», мы должны признать за Бернштейном в этом вопросѣ правоту. Он тысячу раз прав, что толкованіе Кауцкаго не чисто матеріалистическое. Вѣдь ставить социальную революцію в зависимость от зрѣлости и силы пролетаріата вовсе не значит дать этому перевороту экономически-матеріалистическое об'ясненіе. «Зрѣлость пролетаріев не экономической, а этической фактор, их сила—фактор политическій или социальнo-политическій». «Чтобы считаться имманентной экономической необходимостью», совершенно вѣрно прибавляет Бернштейн, «тріумф социализма должен быть обоснован доказательством необходимости экономического крушенія существующаго общественнаго строя. Но такая неизбежность еще не была и не могла быть доказана. Общественное развитіе в нѣкоторых пунктах сошло с пути, по которому оно должно было бы направиться, чтобы крушеніе стало неизбежно по чисто экономическим причинам».

В этой главѣ мы не намѣрены дать критику марксизма. Мы хотим только показать, что социалистическая теорія может доказать необходимость торжества социализма двояким путем. Во-первых, можно думать, что неизбежно экономическое крушеніе капитализма благодаря механическому развитію экономического фактора—производительных сил. Так думали долгое время. Эта точка зрѣнія теперь оставлена даже такими ортодоксами, как Кауцкій. Во-вторых, можно доказывать, что в современном обществѣ растет и крѣпнет та общественная сила, которая хочет и сможет задушить капитализм. При таком пониманіи необходимость социализма носит характер социальный, а не экономической, ибо все зависит от чисто человѣческаго, социального фактора—пролетаріата, а экономическое развитіе влияет на наступленіе социализма только косвенно—путем содѣйствія развитію самого пролетаріата. И при таком пониманіи социализм остается научным, ибо основан на необходимости. Но эта необходимость не экономического, а социального характера. В основу социалистической программы кладется не политическая экономія, а социологія.

II.

Два слова о производительных силах.

В основѣ марксистскаго пониманія исторіи лежит теорія развитія производительных сил, или техники. Маркс полагает, что всякій общественный строй опредѣляется исключительно «достигнутой степенью развитія производительных сил». Поэтому всякая социальная революція есть продукт переворота в производительных силах. Эти двѣ простыя идеи дают марксисту ключ к пониманію всей исторіи.

Каково наше мнѣніе? Понятно, никто не станет отрицать глубокаго значенія производительных сил для всей жизни общества. Кто, напримѣр, станет отрицать значеніе физической среды для человѣка? Ну, а техника есть не что иное, как новая искусственная социальная среда. Всякая среда имѣет глубокое вліяніе на нашу психику, нельзя отрицать его и за средой социальной.

Несомнѣнно, люди стараются наилучше использовать свои орудія труда в борьбѣ с природою. Поэтому если-бы не было никаких других посторонних условій, экономическую организацію общества люди создали бы, сообразуясь с тѣми орудіями, которыми они работают. На этом основаніи можно принять как нѣчто весьма вѣроятное, что в первобытное, доисторическое время различные отношенія, существовавшія в маленьких независимых общинах опредѣлялись характером их орудій труда. При различных системах техники, при прочих равных условіях, способ производства не может быть одинаковым. Но почему первобытная община распалась? Почему образовалось рабство? Чѣм были вызваны всѣ извѣстные нам крупныя социальные перевороты? Чѣм будет вызвана грядущая социальная революція? На весь этот град вопросов марксист имѣет только один ничего не объясняющій отвѣтъ: производительныя силы. В этом обнаруживается полное безсиліе марксистской мысли. Дайте же присмотримся к этому дѣлу поближе.

На порогѣ исторіи человѣчество нам представляется разбитым на громадное число отдѣльных небольших групп—охотников, рыболовов, скотоводов. Эти группы находятся в постоянной войнѣ друг с другом из-за главного фактора тогдашняго производства—земли. Вѣнцом побѣды является захват покоренной земли и полное истребленіе и даже сѣденіе побѣжденных. Но вот внезапно наступает крупная перемѣна. Побѣдители не уничтожают и не сѣдают побѣжденных, а порабощают их. Людоѣдство уступает мѣсто рабству. Дотолѣ равноправные члены первобытно-коммунистических групп распадаются на два класса: господ и рабов. К внѣшней войнѣ между группами присоединяется внутренняя война между классами. Чѣм была вызвана эта революція? «Развитіем производительных сил», невозмутимо отвѣчает марксист. Технический прогресс усложнил производство и сдѣлал необходимым строгое руководство, которое могло быть достигнуто только порабощеніем производителей*). Этот псевдо-научный, скорѣе фаталистическій отвѣтъ проникнут чисто метафизическим характером, что, впрочем, легко обясняется происхожденіем его. Маркс сам говорит, что его діалектический метод есть перевернутое гегелианство. А как ни переворачивайте метафизика, хоть кладите его на бок, он остается метафизиком. Сущность метафизическаго пониманія не мѣняется от того, что Маркс вмѣсто гегелевской Абсолютной Идеи подставил столь же отвлеченное понятіе Техники. Гегель говорит, что исторія есть независящій от человѣческой воли процесс развитія Идеи, и объявляет поэтому все существующее разумным. Маркс также пытается увѣрить нас, что исторія есть независящій от человѣческой воли процесс развитія Техники и также выводит разумность всего существующаго. Вмѣсто одного отвлеченнаго понятія поставлено другое. Неудивительно, что и Гегель и Маркс приходят к чисто метафизическому оправданію всего существующаго вообще и рабства в частности.

Что говорим мы?

Несомнѣнно, возникновенію рабства должен был предшествовать нѣкоторый прогресс в развитіи техники. При очень низкой степени производительности труда, когда работник производит только самое безусловно необходимое для поддержанія своей жизни, никому нѣтъ

*) К. Кауцкій «Парламентаризм и народное представительство», стр. 16: «Источником господства жрецов и военного дворянства была все таки экономическая необходимость».

смысла порабощать его. Побѣдители находят для себя болѣе выгодным уничтожать или сѣдять своих плѣнников. Появленіе так называемаго «прибавочнаго продукта» дѣлает рабство для господ впервые выгодным и возможным. Значит-ли это, что развитіе производительных сил вызвало или создало рабство? Я сорвал нѣсколько плодов с дерева—значит-ли, что я сдѣлал это потому, что существует плодовое дерево? Если-бы его не было, я, понятно, не мог бы сорвать его плодов. Но плоды нѣсколько не принуждали меня срывать их. Я сорвал их потому, что хотѣл. Существованіе дерева было условіем, но не причиной моего дѣйствія. Так же обстоит и с возникновеніем рабства. Технический прогресс был его необходимым условіем, но никоим образом не причиною. Дѣйствительной причиной было сознательное желаніе побѣдителей использовать наилучше свою побѣду. Высокая степень производительности труда была только почвой, на которой варварская жестокость звѣроподобных побѣдителей взростила ядовитое дерево рабства. Появленіе рабства не только не было вызвано никакими непреодолимыми силами, но было явно враждебно интересам прогресса, даже чисто экономическаго прогресса. Благодаря рабству производительность труда не только не возросла но значительно упала. За долгіе сумрачныя вѣка кошмарной ночи, которую историки называют періодом рабства, человѣчество не сдѣлало никаких замѣтных шагов вперед, а проживало то, что было создано раньше усиліями свободных людей. Со времени установленія рабства и его стражника—Государства, египетскій народ духовно умер и застыл, подобно высохшей муміи. Все, что мы называем теперь классической культурой, не было культурой греческих и римских народов, а достояніем маленьких кучек мародеров, сидѣвших на плечах этих народов. Эти жалкія кучки праздных паразитов ради забавы развивали поэзію, ваяніе, живопись, но производство их совершенно не интересовало и казалось им презрѣнным дѣлом презрѣнных рабов. Неудивительно, что якобы пышный расцвѣтъ классической культуры не только не сопровождался техническим прогрессом, но создал, может быть, регресс. Как же марксисты считали рабство необходимым? Как понимать эту необходимость? Мы понимаем ее в чисто человѣческом, реальном смыслѣ. Рабство было необходимо господам и они создали его, потому что были достаточно сильны для этого. Оно им нужно было для того, чтобы свалить с своих плеч тяжелое бремя труда и забот и самим заняться «политикой», т. е. немудрым искусством держать в повино-